

Ксения Ворожихина

Экзистенциальное прочтение «Многообразия религиозного опыта» У. Джеймса в России

Статья посвящена восприятию идей Уильяма Джеймса, изложенных в книге «Многообразие религиозного опыта», русскими философами Л. Шестовым, С. Лурье, Н. Бердяевым и А. Лазаревым. Рассматривается история создания русского перевода книги Джеймса, опубликованного в 1910 г. в издательстве журнала «Русская мысль», исследуются первые дискуссии, возникшие вокруг «нового течения в философии», а также анализируется рецепция и адаптация американского прагматизма экзистенциальными мыслителями. Русские философы и критики находили в книге Джеймса апологию внеконфессиональной личной религии, основанной на непосредственных переживаниях, а также экзистенциально окрашенную философию, освобождающую личность от ограничений, налагаемых разумом, создающую целостное представление о человеке, усматривающую в индивидуально-личностном источник метафизических истин.

Ключевые слова: экзистенциальная философия, прагматизм, «Многообразие религиозного опыта», Лев Шестов, Николай Бердяев, Семен Лурье, Адольф Лазарев, «Русская мысль».

The article examines perception of William James' ideas set forth in his book *The Varieties of Religious Experience* by Russian philosophers Lev Shestov, Semyon Lurie, Nikolay Berdyaev and Adolf Lazarev. It touches upon the history of the creation of the Russian translation of James' volume, published in 1910 by "Russkaya mysl" publishing house, explores the first discussions of the 'new trend in philosophy' and analyzes the reception and adaptation of American pragmatism by existential thinkers. Russian philosophers and critics extracted from James' book an apology of a non-confessional personal religiosity based on unmediated first-hand experiences, as well as an existentially nuanced philosophy that liberates person from the limitations imposed by the mind and thus creates a holistic view of a man, seeing in a personal and individual a source of metaphysical truths.

Keywords: existential philosophy, pragmatism, "The Varieties of Religious Experience", Lev Shestov, Nikolay Berdyaev, Semyon Lurie, Adolf Lazarev, "Russkaya mysl".

В 1910 г. в издании журнала «Русская мысль» вышло сочинения Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта» под редакцией С.В. Лурье. Лурье был сотрудником и недолгое время заведующим беллетрическим отделом журнала (конец 1909 — начало 1910-х гг.); его предшественником на этом посту был Д.С. Мережковский. Ближайший соратник Мережковского Д.В. Философов в «Московском еженедельнике» (1908. № 45. С. 43–51) опубликовал статью «Апофеоз беспочвенности», в которой утверждал, что философский отдел журнала «Русская мысль» «пропитан» идеями Шестова — «идеолога современной неразберихи, современного безволия» [Философов, 2016: 164], а его идеи развиваются Лурье, Л.Е. Галичем, отчасти С.Л. Франком и А.С. Изгоевым. Сущность мировоззрения Шестова, по мнению Философова, сводится к скепсису, ненависти к проповедничеству, отстаиванию адогматизма, свидетельствующих о параличе воли и веры; философия Шестова, считает он, заключается в «воле к безволию» и в «жажде небытия» [Философов, 2016: 165]¹. Об этой статье Шестов пишет С.Г. Пети в письме от 26 января 1909 г.: «Вам статью Ф. [Философова] прислал, вероятно, Семен Владимирович? Он мне ее здесь показывал. Действительно, он очень сердится и довольно-таки... Мне в ученики он дает Изгоева и Франка, из коих последний недавно поместил обо мне статью в "Слове"², в которой доказывает, что я крайний нигилист, а стало быть, все мое творчество есть "творчество ни для чего". А С.В. он бранит за Мережковского⁴ — это дело ясное» [Баранова-Шестова, 1983, т. 1: 99].

Лурье был одним из ближайших друзей Шестова. Их знакомство, завязавшееся на почве деловых интересов³, переросло в дружбу, а с годами и в духовную близость. Рассказывая сыну Лурье Александру об их дружбе, Шестов сказал: «Мы настолько срослись с ним, что мне трудно определить, что мое и что его» [Баранова-Шестова, 1983, т. 2: 311].

¹ На статью Философова отреагировал редактор «Русской мысли» П.Б. Струве, посчитавший своим долгом выступить в защиту сотрудников журнала [Струве, 1908]. См.: [Гапоненков, 2004].

² С.В. Лурье.

³ См.: [Франк, 1908].

⁴ Лурье критически откликнулся на выход сборника статей Мережковского «Не мир, но меч»: «Религия грядущего завета с ее религиозной общечеловечностью, объединяющей "единого и всех, личность и общество беспредельною свободой и беспредельною любовью" в безгосударственной теократии, есть одно из проявлений идейного максимализма по своей форме, по существу же равноценно средне-интеллигентской обывательской философии» [Лурье, 1908: 63].

⁵ Шестов впервые встретился с Лурье в Москве, куда он приезжал по делам семейного предприятия (Лурье работал в торговом доме О.Г. Хишина и стоял во главе текстильных заводов). См. об этом: [Баранова-Шестова, 1983, т. 2: 311].

Лев Шестов: ненормальность как условие постижения истины

По всей видимости, работа по переводу сочинения Джеймса «Многообразии религиозного опыта» была вдохновлена Шестовым: в 1909 г. в журнале «Русская мысль» вышла статья Шестова «Разрушающий и созидаящий миры. По поводу 80-летнего юбилея Толстого», одна из глав которой посвящена Джеймсу и его «необычно интересной» и даже «прямо замечательной» книге «Многообразие религиозного опыта». Основной вопрос книги Шестов формулирует так: «Ненормальный человек живет, чувствует и думает; с какой же стати станем мы отбрасывать как непригодное для познания все содержание его часто богатой, своеобразной и содержательной жизни? А что, если как раз его чувства и мысли могут привести нас к таким знаниям, даже откровениям, о которых нормальные люди даже и мечтать не смеют?» [Шестов, 1909: 33]. По мнению Шестова, аналогичный вопрос уже был поставлен в русской литературе Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание»: «Свидригайлов, разговаривая с Раскольниковым о галлюцинациях, признает, что галлюцинации бывают только у больных, ненормальных людей, но делает допущение, что это обстоятельство ничего собственно против реальности галлюцинаций не говорит. Может быть, условием постижения известного рода реальностей является болезнь: здоровому недоступно то, что доступно больному» [Там же: 33]. Нормальность или ненормальность человека, отмечает Шестов, сами по себе «не говорят ни за, ни против его внутреннего опыта». Значительность и незначительность переживаний определяется по совсем иным признакам. «Даже более того, особенно важные, интересные и глубокие переживания, как показали наблюдения, свойственны именно людям ненормальным, больным» [Там же: 34]. Джеймс (как до него Достоевский) понимает это; он «ищет у больных людей новых истин и озарений, даже новых методов добывания истины» [Там же: 34]. Годом позже была опубликована статья Шестова «Логика религиозного творчества», посвященная памяти Джеймса, в которой он отмечал, что в воззрениях американского прагматиста, отвергавшего идеал рационалистов, боровшегося со стремлением философов подчинить жизнь идее и отрицавшего единообразие существующего мира, все же содержится некоторая двойственность. С одной стороны, Джеймс, подобно апостолу Павлу, указывает на противоположность мудрости и безумия («Бог избрал безумие мира, чтобы посрамить мудрых» (1 Кор. 1:27)); с другой — все же стремится их объединить. На каких условиях союз безумия и мудрости возможен?

Джеймс пытается в безумии найти творческую силу; для него, считает Шестов, ненормальность является условием постижения

важнейших и значительнейших истин. Однако при этом, будучи прагматистом, он считает, что безумие должно получить признание и одобрение большинства, поскольку истинно лишь то, что может быть нужным и полезным «человечеству». Таким образом, «свободолюбивые мечтания американского философа» рассеиваются в погоне за «признанием».

Шестов пишет: «Живая человеческая истина заражается и гибнет в атмосфере множественности. Ей нужно выбрать одно из двух: либо господствовать над людьми и для того примениться к “общественным” требованиям, то есть перестать быть собой, либо остаться верной себе и, в качестве “безумия”, быть отвергнутой человечеством. “Безумие” не может никогда добиться признания. ...Истина настоящего пророка с пророком рождается и с ним же умирает. То же, что остается после пророка, что становится достоянием истории, уже не истина, а общеобязательное, обыкновенно очень полезное, общественно ценное суждение» [Шестов, 1996: 442]. Тем самым, заключает Шестов, «рыцарь свободного творчества, Джемс, в конце концов, потребовал для своего безумия санкции» [Шестов, 1996: 444], и таким образом, вернулся к рационализму.

Переводчиками «Многообразия...» стали В.Г. Малахиева-Мирович и М.В. Шик¹. В 1909 г. Варвара Малахиева-Мирович по рекомендации Шестова устроилась в журнал «Русская мысль», где занимала должность заведующего критико-библиографическим отделом (1909 — сентябрь 1910 г.)². Ее соавтор по переводу Михаил Шик, в ту пору студент историко-философского факультета Московского университета, впоследствии стал священником (расстрелян в 1937 г. на Бутовском полигоне).

Малахиева-Мирович была «мистически одаренной» натурой. О своих религиозных переживаниях и «опытах» она упоминала в дневниковых записях. Нередко случалось, что она ощущала «присутствие» тех, кто, перешагнув порог смерти, стал «живее живых». Такие состояния Мирович испытывала на протяжении всей своей жизни: в детстве, подобно В.С. Соловьеву, созерцала «лазурно-радужное видение Невыразимой Красоты» [Малахиева-Мирович, 2016: 767]; по меньшей мере дважды оказывалась свидетелем «световых явлений» (так называемых «фотизмов», при которых «нездешнему свету» удается проблеснуть сквозь плотность материи). Подтверждение реальности своих ощущений она находила, перечитывая Джеймса. Как писала Мирович в своем

¹ Изначально сделать перевод было предложено Е.К. Герцык, но она, испугавшись объемности работы и необходимости срочного ее исполнения, отказалась [Герцык, 2002: 573].

² С января 1909 по октябрь 1910 г. в журнале было напечатано более двадцати ее рецензий.

дневнике, идеи американского прагматиста оказались ей крайне близки; философ, мыслитель, психолог с позиции разума рассуждает о незримом, ином мире, о вере и о том, что всякий сколько-нибудь мистически настроенный человек «ощущает, чувствует вне всякой аргументации» [Там же: 638], непосредственно.

Семен Лурье: многообразии «высших сил»

Издателем, редактором и автором предисловия к публикации стал Лурье. В предисловии он отмечает, что религия Джеймса имеет экзистенциальную окраску: она «непосредственно затрагивает сокровеннейшие чаяния человеческой души» [Лурье, 1910: III], и если она и не обещает спасения, то, по крайней мере, вселяет «бодрящую веру в его возможность». Главной заслугой Джеймса, по мнению Лурье, является расширение душевной сферы человека за счет области подсознательного: «Если “я” есть принцип, ориентирующий человека в области действительности, то это “я” должно быть взято не в отдельной его, сравнительно малоактивной части рационального сознания, а во всей полноте его сознательной и подсознательной жизни» [Там же: IV]. Мерой бытия для американского прагматиста является не рациональный субъект, а целостный «индивидуум с его мыслями, грезами, страданиями и надеждами, таинственными обращениями и чудесными экстазами, словом, индивидуум во всей полноте и во всем многообразии его личных переживаний» [Там же: IV]. Этой полноте и многообразию психических проявлений личности, не редуцируемых к содержаниям рационального сознания, соответствует полиморфия и многосложность самой реальности. «Как многообразно, таинственно и богато залежами творческих элементов сумеречное сознание, так же многообразна и полна бесконечных возможностей живая действительность» [Там же: IV]. Наконец, многообразие субъективного, человеческого, развивает мысль Джеймса Лурье, соответствует многообразии «высших сил» — божественного.

Николай Бердяев: «расширение опыта»

В 1910 г. в частном философском кружке состоялось обсуждение статьи С.А. Франка «Прагматизм как философское учение», вылившееся в знаменитый «Спор о прагматизме», стенограмма которого была опубликована на страницах «Русской мысли» [Спор, 1910]. В прениях, помимо Франка, участвовали С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, Л.П. Лопатин, Е.Н. Трубецкой, С.В. Лурье, М.М. Рубинштейн, В.М. Топорков, В.М. Хвостов и Н.А. Бердяев. В своем выступлении Бердяев отметил, что в прагматизме содержится не только протест против ра-

ционализма и отвлеченных истин, но и верное указание на то, в каком направлении следует двигаться, чтобы выйти к действительной жизни.

Философ посвятил концепции Джеймса статью «О расширении опыта» [Бердяев, 1910], в которой он отмечает, что несомненной заслугой американского мыслителя является борьба за расширение опыта религиозного и мистического, которое оказывается возможным благодаря обращению к подсознательному «я». По мнению Бердяева, Джеймс показывает, что рационализированный опыт — вторичный, урезанный и ограниченный, в то время как неотрефлексированные непосредственные переживания шире, богаче, первичнее. Однако он отмечает, что Джеймс имеет дело только с индивидуальными религиозными проявлениями, а не с религиозным опытом в его полноте и целостности. Автор «Многообразия...» отбрасывает христианскую догматику, видя в ней рационализм и схоластику, забывая о том, что догматы имеют «опытное» происхождение и являются фактами религиозного порядка.

Адольф Лазарев: «жизненная драма» Джеймса

Одно из первых обстоятельных изложений философии Джеймса в русских журналах принадлежит экзистенциальному мыслителю из круга Шестова А.М. Лазареву¹. В своей статье о «новом течении в философии», вышедшей в 1909 г. в «Русской мысли», он дает общую характеристику прагматизма, который, на первый взгляд, не привносит новых идей (критики указывали на близость прагматизма к эмпиризму, утилитаризму и волюнтаризму). Лазарев, однако, не склонен видеть в прагматизме лишь безнадежный эклектизм. Он рассматривает контекст зарождения прагматистской традиции, описывает первые дискуссии прагматистов с представителями трансцендентализма, рационализма, идеализма и т. д.

Согласно Лазареву, основными положениями прагматизма являются представления о том, что истина не должна быть одной и той же для всех, что действительность не завершена и что человек творит истину и действительность. Подобно экзистенциальной философии, прагматизм исходит из индивидуального и личного, а его жизненным импульсом являются конкретные переживания. По мнению Лазарева, основными представителями прагматизма являются У. Джеймс и Ф.К.С. Шиллер, но истинный творец прагматизма — Джеймс, поскольку именно он применил прагматистскую максиму к вопросам

¹ Наряду с А. Балабаном, статья которого о прагматизме была опубликована в 1909 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» [Балабан, 1909].

религии, и на всем учении лежит печать его личности. Таким образом, полагает русский мыслитель, пафос прагматизма лежит именно в религиозно-метафизической области.

Джеймс говорил о себе, что не испытывал чувства присутствия Бога, не мог и не умел молиться, а Библия не была для него книгой божественного откровения, т. е. философ не имел собственного религиозного опыта, но у него была, считает Лазарев, уникальная способность откликаться на чужой религиозный опыт. Он стоял за живое переживание божественного и за любое проявление религиозности. В сумеречной сфере подсознательного «я», вероятно, более мощного у патологических личностей, Джеймс находил истоки религиозного откровения, религиозного творчества. Прагматизм, подчеркивает Лазарев, расширяет поле для искания Бога.

Плюрализм прагматистов можно понимать двояко: либо как представление, согласно которому мир предстает как множественность индивидуальных существований; или же прагматизм видит мир незавершенным, судьба которого еще не определилась. Прагматизм, считает Лазарев, строится на непреодолимом дуализме обыденного разума и иных — внерациональных — форм сознания. Джеймс, как и Шиллер, колеблется между иррационализмом и рационализмом, все же не порывая окончательно с последним.

От анализа идей Джеймса Лазарев переходит к рассмотрению личности прагматиста и его опыта: в статье о «философской судьбе» Джеймса он дает субъективный, и при этом наиболее целостный, портрет философа в русской литературе¹. По жанру и «духу» эта работа Лазарева близка к «психологическому сыску» Шестова — Лазарев рассматривает биографию американского прагматиста и исследует, как его философское учение выросло из его жизни. По мнению русского мыслителя, философские вопросы для Джеймса имеют личный, интимный характер, и главным, что волновало его, был вопрос о свободе («как высвободиться из петель мирового детерминизма?») и о том, значит ли что-нибудь человеческая индивидуальность в мировом ходе вещей. Ответ, который давали естественные науки, не мог удовлетворить философа, вел к пессимизму. Джеймс, в духе Кириллова, стал полагать, что самоубийство является единственным свободным дерзанием личности. Целительной для него стала философия Ш. Ренувье, из которой он вывел первый член (о свободе) своего нового символа веры. Отталкиваясь от идей французского философа, Джеймс пришел к выводу о том, что дух функционирует вне зависимости от материального принуждения. Джеймс, подчеркивает Лазарев, боролся против безликого строя вещей: против законов природы, логики, необходимости,

¹ См.: [Антонов, 2015].

морали. Бездна, однажды разверзшаяся перед философом, на какое-то время захватила его, заставила отвести взгляд от обыденного, эмпирического и практического, явственно осознать границы этого мира, полнотью вырваться из которого ему так и не удалось.

Лазарев находит «поразительное сходство» между прагматизмом и философией Шестова: «Те же страстные нападки на современный идеализм с его по преимуществу монистической тенденцией, та же догадка о том, что рационализм на самом деле служит только обыденным целям жизни, то же стремление к пересмотру всех понятий, принимаемых за незыблемые устои всякого миропонимания, та же попытка искать ответа на загадки бытия совсем в ином опыте, может быть и “ненормальном” перед судом обыденного сознания, та же непримиримость в отношении всякого рода теодицей, то же сосредоточение внимания на проблеме зла, та же жажда познания живого Бога и, как результат всего этого, учение о трагическом опыте и о философии этого опыта — “философии трагедии”» [Лазарев, 1909: 134–135].

* * *

Русские экзистенциальные мыслители видели в американском прагматизме «философию переживания» (выражение Лурье), высвобождающую личность от пут разума за счет апелляции к сублиминальному сознанию, имеющему прямую связь с божественным; тем самым прагматизм создает более целостное, конкретное и жизненное представление о человеке, чем рационалистические теории и традиции мысли, и оставляет просвет для божественного в цепи причин и следствий естественного порядка бытия. Шестову близка внеконфессиональная личная религия Джеймса, но прагматизм как метод он отвергает. Бердяев указывает на бедность религиозного сознания американского философа и его страх перед светом религии, а также подчеркивает опасность скептического релятивизма, в котором усматривает одно из логических следствий прагматизма. Русские философы отмечают личную свободу Джеймса и широту его взглядов, лишенных предрассудков, свойственных большинству ученых. Наиболее созвучным экзистенциальным мыслителям в прагматическом учении является представление о том, что общее и закономерное в мире и личности — это лишь поверхностное бытие, а подлинные метафизические истины сокрыты в личном и индивидуальном.

Литература

Антонов, 2015 — Антонов К. Концепция религиозного опыта У. Джеймса в русской религиозной мысли первой трети XX в. // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 5. С. 91–111.

Балабан, 1909 — *Балабан А.* Прагматизм // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 4(99). С. 574–618.

Баранова-Шестова, 1983 — *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова: В 2 т. Париж: La Presse Libre, 1983.

Бердяев, 1910 — *Бердяев Н.* О расширении опыта // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 3(103). С. 380–384.

Гапоненков, 2004 — *Гапоненков А.* Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004.

Герцык, 2002 — *Сестры Герцык.* Письма. СПб.: Инапресс; М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002.

Лазарев, 1910 — *Лазарев А.* Прагматизм. Новое течение в философии // Русская мысль. 1910. Кн. X. С. 109–135.

Лазарев, 1932 — *Лазарев А.* Философская судьба В. Джемса // Путь. 1932. № 35. С. 20–55.

Лурье, 1908 — *Лурье С.* Религиозные искания в современной литературе (Д.С. Мережковский. «Не мир, но меч». К будущей критике христианства. СПб., 1908 г.) // Русская мысль. 1908. Кн. X. С. 44–67.

Лурье, 1910 — *Лурье С.* Предисловие // Джемс В. Многообразие религиозного опыта. Москва: Русская мысль, 1910. С. III–V.

Малахиева-Мирович, 2016 — *Малахиева-Мирович В.* Маятник жизни моей: 1930–1954. М.: АСТ, 2016.

Спор, 1910 — Спор о прагматизме // Русская мысль. 1910. Кн. V. С. 121–156.

Струве, 1908 — *Струве П.* На разные темы. Три нападения // Русская мысль. 1908. Кн. XII. С. 164–170.

Философов, 2016 — *Философов Д.* Апофеоз беспочвенности // Л.И. Шестов: pro et contra. Антология / Сост., вступ. статья, комментарии Т.Г. Щедриной. СПб.: РХГА, 2016. С. 161–167.

Франк, 1908 — *Франк С.* О Льве Шестове (По поводу его новой книги «Начала и концы») // Слово. 1908. 10–23 декабря.

Франк, 1910 — *Франк С.* Прагматизм как философское учение // Русская мысль. Кн. V. С. 90–120.

Шестов, 1909 — *Шестов Л.* Разрушающий и созидаящий миры. По поводу 80-летнего юбилея Толстого // Русская мысль. 1909. Кн. I. С. 25–60.

Шестов, 1996 — *Шестов Л.* Логика религиозного творчества. Памяти В. Джемса // Шестов Л. Сочинения: В 2 т. Томск: Водолей, 1996. Т. 2. С. 432–444.

Илья Дёмин

Критика классического прагматизма в философии С.Л. Франка

В статье рассматриваются выдвинутые С.Л. Франком критические аргументы против классического американского прагматизма. Показано, что критика прагматизма составляет важную веху в интеллектуальной биографии Франка. Среди основных направлений западной философии второй половины XIX и начала XX в. американский прагматизм в наименьшей степени оказался востребован русскими мыслителями. Однако то обстоятельство, что в условиях «религиозно-философского ренессанса» не обнаружилось ни одного сколько-нибудь значительного последователя прагматизма, не свидетельствует об отсутствии у русских философов интереса к этому направлению. Ключевой тезис Франка состоит в том, что прагматизм — не просто очередная философская теория в числе многих, но выражение «нового волевого устремления», симптом глубокого духовного поворота и индикатор существенных изменений в мирозерцании. Франк обнаруживает общие истоки американского прагматизма и «философии жизни», подчеркивает содержательное родство и идейную близость этих направлений. Утверждая несостоятельность прагматизма как гносеологического учения, Франк видел в возникновении этого направления не только кризис, но и возможность обновления европейской философии. Положительное значение прагматизма он усматривал в критике абстрактного рационализма и «интеллектуализма».

Ключевые слова: американский прагматизм, критика прагматизма, русская философия, метафизика Франка, релятивизм.

The article considers Semyon L. Frank's critical arguments against classical American pragmatism. It is argued that criticism of pragmatism constitutes an important phase of Frank's intellectual biography. Regarding the main trends in the Western philosophy of the second half of the 19th and the early 20th centuries, American pragmatism was perhaps the least popular among Russian thinkers. However, the fact that the "religious-philosophical Renaissance" did not produce any notable follower of pragmatism does not mean that Russian philosophers had no interest in this trend. Frank's core idea is that pragmatism is not yet another philosophical theory among many others but an expression of "a new willful craving," a symptom of a deep spiritual turn, and an indicator of substantial changes in worldviews. Frank not only finds common sources of American pragmatism and